

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2-175-185

EDN: WMUXBR

Научная статья / Research article

Женский вопрос и движение за социальную гигиену в американском обществе Прогрессивной эры

Д.Б. Вершинина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, *Пермь*,
Российская Федерация

✉ daryapros@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу движения за социальную гигиену в США периода Прогрессивной эры в его связи с женским вопросом. Исследование показывает, как в контексте масштабных социальных реформ и трансформации викторианских идеалов женственности сформировался новый подход к регулированию общественного здоровья и морали. Движение, объединившее религиозных реформаторов, феминисток и медицинских экспертов, одновременно бросало вызов устоявшимся моральным нормам американского общества через критику двойных стандартов и стало инструментом репрессивной биополитики, направленной на контроль над женской сексуальностью. На основе анализа идеологических установок и реальных практик движения продемонстрировано, как проституция была переопределена из моральной проблемы в угрозу общественному здоровью, что позволило оправдать принудительные осмотры и изолирование женщин, обвиненных в распространении опасных заболеваний. Таким образом, сделан вывод, что, несмотря на прогрессивные цели, движение за социальную гигиену воспроизводило патриархальные модели контроля над женщинами.

Ключевые слова: США рубежа XIX–XX вв., социальные болезни, женский активизм, биополитика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11.10.2025; принята к публикации 19.12.2025.

Для цитирования: Вершинина Д.Б. Женский вопрос и движение за социальную гигиену в американском обществе Прогрессивной эры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 2. С. 175–185. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-175-185> EDN: WMUXBR

© Вершинина Д.Б., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The women's question and the social hygiene movement in American society during the Progressive era

Daria B. Vershinina

Perm State National Research University, *Perm, Russian Federation*

✉ daryapros@yandex.ru

Abstract. The study analyzes the social hygiene movement in the United States during the Progressive Era in its relationship with the women's question. The study demonstrates how, in the context of large-scale social reforms and the transformation of Victorian ideals of femininity, a new approach to regulating public health and morality emerged. The movement, which united religious reformers, feminists, and medical experts, simultaneously challenged established moral norms in American society through a critique of double standards and became an instrument of repressive biopolitics aimed at controlling female sexuality. Based on an analysis of the movement's ideological tenets and actual practices, this article demonstrates how prostitution was redefined from a moral issue to a public health threat, justifying forced examinations and the isolation of women accused of spreading dangerous diseases. Thus, despite its progressive goals, the social hygiene movement reproduced patriarchal models of control over women.

Keywords: the United States at the turn of the 19th and 20th centuries, social vices, women's activism, biopolitics

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 11.10.2025; accepted 19.12.2025.

For citation: Vershinina DB. The women's question and the social hygiene movement in American society during the Progressive era. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(2):175–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-175-185> EDN: WMUXBR

Введение

Период 1890-х — 1920-х гг. вошел в историю США как Прогрессивная эра. Под этим названием в историографии понимается время масштабных общественных дискуссий и реформ, направленных на адаптацию страны и ее населения к новой индустриальной эпохе. Данная трактовка уходит корнями, с одной стороны, в самоопределение самих реформаторов, называвших себя прогрессистами, а с другой — была закреплена в трудах современников эпохи, таких как Артур Шлезингер-старший [1], и сохраняет свою значимость и актуальность как основа для периодизации американской истории.

К концу XIX в. страна стремительно превращалась в индустриального гиганта, а огромные финансово-промышленные корпорации меняли не только экономику, но и повседневность миллионов американцев: массовое производство и потребление создали новую реальность, в которой товары были

доступнее, а города — крупнее и многолюднее. Однако за фасадом прогресса скрывались острые социальные проблемы: углубляющаяся социальная поляризация, рост рабочего класса и обострение его тяжелого положения, коррупция в политике и бизнесе. Все это позволило М. Твену назвать период «позолоченным веком».

В этих условиях в Америке начинается движение за реформы по улучшению условий труда, расширению демократии, борьбе с коррупцией, решению женского вопроса. Последний не только способствовал политическим и экономическим изменениям, но и вызвал бурные дискуссии о моральных границах женского поведения. Одним из центральных движений, возникших среди реформаторов, стало движение за социальную гигиену, которое подвергается нами анализу в контексте концепции биополитики Мишеля Фуко. Под «социальной гигиеной» в исследовании понимается общественное движение Прогрессивной эры, которое, опираясь на дискурсы медицины и морали, стремилось регламентировать сексуальное поведение граждан и искоренить так называемые «социальные болезни» (проституцию, венерические заболевания, алкоголизм и т.д.). Обращение к его опыту представляется особенно актуальным в контексте современных дебатов о границах вмешательства государства в сферу здравоохранения и частной жизни граждан, обострившихся в период пандемии COVID-19.

Цель исследования — выявить ключевые идеи и практики движения за социальную гигиену в США начала XX в. и определить его влияние на формирование дискурсов, конструирующих и контролирующих женское тело и женское поведение в сфере сексуальных отношений. Для реализации этой цели необходимо реконструировать факторы, обусловившие возникновение движения за социальную гигиену, рассмотреть на основе текстов самих активистов движения ключевые концепты движения и их связь с медицинскими и моральными дискурсами эпохи, а также определить конкретные практики социальных гигиенистов в отношении женщин, чтобы сделать вывод об общем характере движения и его месте в идеологии реформаторов Прогрессивной эры.

Источниковой базой исследования стали тексты, порожденные активистами движения за социальную гигиену. Их можно разделить на две ключевые группы. Среди периодических изданий прежде всего стоит выделить публикации в журнале «Социальная гигиена», который начал выходить с 1914 г. и стал рупором Американской ассоциации социальной гигиены. Спектр публикаций в журнале был чрезвычайно широк: от правовых обзоров и педагогических рекомендаций до анализа экономических последствий тех или иных социальных болезней, что демонстрировало стремление социальных гигиенистов к масштабному переустройству общества на новых, рациональных, началах.

Вторую группу источников образуют отдельные брошюры и книги социальных гигиенистов. Среди них фундаментальную роль сыграл труд П.А. Морроу «Социальные болезни и брак: социальная профилактика» (1904 г.) [2], закрепивший базовую терминологию и концептуальные основы движения. Значительный пласт публикаций социальных гигиенистов был посвящен проблем так называемого «белого рабства» (К.Г. Роу [3; 4], Э.А. Белл [5], М. Майнер Хедден [6]), под которым реформаторы понимали проституцию, понимаемую как масштабную организованную торговлю женщинами.

В целом корпус текстов движения за социальную гигиену не просто отражает его деятельность, но является пространством, где формировался специфический язык, вырабатывались ключевые концепты и легитимировались практики, с помощью которых реформаторы стремились изменить американское общество. Через эти тексты социальные гигиенисты конструировали новый дискурс, который и является предметом исследования.

Викторианские идеалы и их трансформация

К концу XIX в. Америка подошла как типично викторианская страна с названным впоследствии историком Б. Уэлтер «культом истинной женственности» [7]. На протяжении большей части XIX в. роль женщины определялась теми, кто имел отношение к так называемому Второму великому пробуждению — росту религиозности в Америке начала XIX в., в соответствии с которым утверждалась особая роль женщины в пуританском обществе. Типичное представление о женском предназначении приводилось в редакционной статье пенсильванской газеты *Public Ledger and Daily Transcript* за 1848 г.: «Наши дамы ... возвышаются, чтобы управлять сердцами своих поклонников и обеспечивать повиновение скипетром привязанности. Разве не всем управляет женское влияние? ... Женщина — никто. Жена — все. Красивая девушка равна десяти тысячам мужчин, а мать, после Бога, все-сильна ... поэтому, под влиянием самых серьезных, трезвых мыслей, полны решимости отстаивать свои права как жен, красавиц, девственниц и матерей, а не как женщин» [8. С. 804].

В центре евангелической концепции женщины были такие идеи, как чистота и непорочность, и таким образом в американском обществе викторианской эпохи сформировалась доктрина сепаратных сфер, представлявшая дом местом бытования женщины. Впрочем, сама же Уэлтер в другой работе — «Феминизация американской религии, 1800–1860» [9] — отмечала, что в Америке XIX в. происходила феминизация христианства и особенно либерального протестантизма: «маскулинизированный» кальвинизм уступил место различным протестантским церквям, в которых доминировали женщины и были представлены новые богословские толкования

заботливого и самоотверженного Христа, воспринимаемые как «женственные». Протестантизм стал средством распространения материнских качеств женщин за пределы семьи посредством их участия в различных реформаторских движениях [9]. Так парадоксальным образом теоретики религиозного возрождения способствовали росту женской социальной активности: поскольку религия играла центральную роль в жизни женщин и помогала некоторым из них выйти за рамки домашней сферы, благодаря возрождению религиозности женщины стали заниматься миссионерской деятельностью, открывать учебные заведения, участвовать в аболиционистском и трезвенническом движениях.

Впрочем, с развитием урбанизации идеи о высокоморальном поведении женщин стали подвергаться коррозии. Как и в любом другом обществе, переезд семей в города ослаблял контроль над частной жизнью со стороны церкви, и постепенно нормой становилось появление независимых женщин, которые представляли себя свободными от социальных, экономических и политических ограничений викторианского общества. Однако даже в городском пространстве сохранялась реальность строгой консервативной модели, которая диктовала общественные и индивидуальные действия женщин, в т.ч. из рабочего класса, тем более что социальная активность женщин была столь тесно связана с христианством и его представлениями о моральной чистоте. В результате столкновения новых и традиционных ценностей на рубеже XIX и XX вв. в США началась масштабная дискуссия об угрозах, связанных с распространением проституции и других форм так называемых «сексуальных девиаций». Важно при этом, что значительную часть тех, кто начал борьбу против проституции, составляли женщины, являвшиеся активистками движений за социальную чистоту и социальную гигиену.

Моральная паника и «крестовый поход» против порока

К началу XX в. в американских городах существенно вырос размах проституции: в 1910 г. почти в каждом крупном городе Соединенных Штатов имелся «квартал красных фонарей», запрещенный законом, но допускаемый полицией и широко известный общественности [10. С. 203]. Реформаторы конца XIX — начала XX вв., как в США, так и в других странах (в первую очередь в породившей борьбу против этой практики Британии) называли этот порядок «регулируемым», под которым понималось коммерческой индустрии, когда правительство лицензировало публичные дома и регистрировало проституток, которых врачи регулярно обследовали на венерические заболевания [11. С. 5].

Спустя восемь лет реформатор Дж. Майер отметит, что «примерно 200 городов, включая практически все с населением более 100 000 человек, закрыли свои кварталы» [12. С. 197]. Такие радикальные изменения,

связанные с исчезновением институционализированной проституции в 1910-е гг., стали результатом начатого в Прогрессивную эру общенационального крестового похода против проституции как порока.

Первым термин «крестовый поход» для характеристики действий прогрессистов по отношению к проституции использовал историк Рой Любов, в статье 1962 г. сделавший вывод о том, что борьба против этого занятия в США 1900–1910-х гг. была «экспериментом по социальному контролю, тесно связанным с попытками других реформаторов улучшить условия городской жизни и труда, а также с борьбой за развеивание невежества и заблуждений, связанных с вопросами секса» [13. С. 330]. Так в Америке сформировалось движение за социальную гигиену, сторонники которого от моральных аргументов перешли к медицинским. Сторонники реформ были убеждены: «По гуманным принципам, в интересах добродетельных жен, которые больше не должны быть отравлены отвратительными инфекциями; в интересах детей, которые больше не должны быть лишены ... жизненной силы и энергии; в интересах расы, которая больше не должна уничтожаться и деградировать, ужасное проклятие венерических заболеваний должно быть снято с брачных отношений» [2. С. 385].

Позитивный взгляд Р. Любова на действия активистов и политиков не разделяют другие историки, которые обращают внимание, что в основе этого крестового похода лежала моральная паника американского общества по поводу размывания стандартов сексуальности, принятых в викторианскую эпоху; к примеру, Дэвид Пивар в монографии «Чистота и гигиена: женщины, проституция и „американский план“, 1900–1930», напротив, утверждает, что к началу XX в. феминистский взгляд на проститутку как жертв несправедливой системы сменился медикализированным подходом, в соответствии с которым они считались виновницами распространения опасных болезней, и в результате «проститутки, ранее вызывавшие сочувствие, стали изгоями, которых обвиняли в распространении сифилиса по всей стране» [14. Р. XV]. Так в идеях реформаторов Прогрессивной эры причудливо соединялись идеи евангелического по своей сути движения за социальную чистоту и рациональные аргументы о болезни, которую можно и нужно лечить. При этом переопределение проституции и венерических заболеваний из проблемы морали в проблему общественного здравоохранения стало главным новшеством в движении за социальную гигиену, что вписывается в идеи Фуко о медикализации, и одновременно крестовый поход против проституции и женщин, вовлеченных в нее, был актом биовласти, направленным на устранение того, что, как считалось, приносило вред всему общественному организму.

Движение за социальную гигиену: идеология и практика

Целью движения за социальную гигиену было «способствовать более здоровой и нормальной сексуальной жизни людей в целом и, наоборот, искоренять проституцию, венерические заболевания и любые патологические состояния, связанные с сексом» [15. С. 557]. С одной стороны, представители движения были убеждены, что главным фактором распространения заболеваний, передающихся половым путем, является проституция, но с другой — они уже были под впечатлением от деятельности британской активистки Джозефины Батлер и использовали ее риторику, чтобы обсудить и осудить двойной стандарт сексуальной морали, сложившийся в американском обществе. Они также были убеждены, что пуританское умолчание в вопросах сексуальности и морали чревато негативными последствиями, с которыми хотели бороться в т.ч. путем просвещения, поэтому в их журнале «Социальная гигиена» было немало статей, посвященных сексуальному образованию.

Правда, все же стоит признать правоту тех историков, которые отказываются видеть глубинную революционность в движении за социальную гигиену. Его представители полагали, что целомудрие для мужчин может стать ключом к спасению нации, а потому выступали за консервативные моральные стандарты в области сексуальности. Такая амбивалентность была характерна для движения из-за сосуществования в нем двух групп активистов: врачей-мужчин и активисток-женщин, сосредоточенных на создании домов для малоимущих девушек и развитии сестринского дела. Социальные гигиенисты мужского пола действовали как агенты биовласти, так как были убеждены, что «большинство проституток либо слабоумны, либо психически ненормальны» [15. С. 562], а значит, их тела необходимо дисциплинировать, а последствием проституции считали всеобщее разложение, ведь появление районов проституции «позволило пороку организоваться в огромных масштабах и значительно расширить свой трафик. Появившаяся в результате реклама сделала порок более доступным и стала источником сексуального насилия и разложения. Сегрегация развратила полицию, стимулировала нелегальную продажу спиртного, увеличила преступность и разврат, а также способствовала сексуальным извращениям» [12. С. 197].

Напротив, женщины-активистки обычно настаивали на социальных причинах распространения проституции. К примеру, Мод Э. Майнер Хадден писала, что рост проституции происходит из-за «коммерциализации порока и из-за факторов, глубоко укоренившихся в социальных условиях» [6. Р. IX]. Более того, она была убеждена, что упомянутый выше взгляд на женщин, вовлеченных в проституцию, как на виновных в бедах нации, несправедлив: «Называть их «опустившимися», «падшими» и «потерянными», считать их неспособными к реабилитации и получению помощи — это в такой же степени жестоко и несправедливо, в какой и абсурдно» [6. Р. X]. Поэтому многие из прогрессивных реформаторов сосредоточили свой гнев на тех,

кто, по их утверждениям, развращал и эксплуатировал для личной выгоды естественные сексуальные инстинкты других; и они переключили внимание с проституции как проявления индивидуальной моральной извращенности на «проституцию как бизнес-предприятие, процветающее на невежестве и социально-экономических лишениях» [13. С. 330].

Одной из первых организаций в сфере социальной гигиены стало Нью-Йоркское общество социальной гигиены, которое было основано в 1905 г. доктором П.А. Морроу под названием «Общество санитарной и нравственной профилактики». В 1913 г. на конференции в Буффало несколько организаций, занимающихся борьбой с проституцией и венерическими заболеваниями, объединились и создали Американскую ассоциацию социальной гигиены. Деньги на создание ассоциации дал Дж. Рокфеллер-младший, а ключевыми фигурами на момент ее основания стали видные ученые из Стэнфордского университета. Ассоциация заменила прежний Американский альянс за чистоту в качестве доминирующей организации в разработке политики в отношении проституции, венерических заболеваний и связанных с ними вопросов.

Создатели ассоциации были намерены просвещать население о венерических заболеваниях, равно как и поощрять высокие моральные стандарты. Центральной идеей ассоциации была идея «белого рабства» [3; 4], под которым ее члены подразумевали проституцию: «...этот якобы фундаментальный социальный институт был в высшей степени искусственным продуктом. Он существовал исключительно благодаря политической коррупции, стимулированию торговли с помощью рекламы и торговле белыми рабами для удовлетворения искусственно созданного спроса» [15. С. 554]. Реформаторы были убеждены, что именно путь образования является наиболее действенным инструментом борьбы с социальными пороками, главным из которых считали проституцию: «Во многих странах разворачивается масштабная образовательная кампания против торговли девушками, самой черной тучи, нависшей над современной цивилизацией» [4. С. 5].

Американский план

Опыт европейских стран в Первой мировой войне показал американцам, что распространение проституции в прифронтовых районах пагубно сказывалось на боеспособности военных, заражающихся венерическими заболеваниями, поэтому «как военные, так и гражданские лица в Соединенных Штатах понимали, что армия, которую собирает страна, не должна нести потери из-за болезней, которые можно полностью предотвратить. К ученым страны обратились с просьбой разработать меры, которые позволили бы избежать таких потерь» [15. С. 556].

В своем журнале «Социальная гигиена» руководители Ассоциации описывали так называемый «американский план» — систему мер по борьбе с проституцией, включающий в себя «правоприменительную деятельность, медицинское лечение, половое просвещение и здоровую реакцию» [15. С. 557]. Опыт Британии повлиял на то, что в американском контексте правоприменительные действия планировалось распространить и на мужчин: «Хотя изоляция носителей инфекции является, с медицинской точки зрения, важнейшей мерой по борьбе с распространением венерических заболеваний, и, хотя проститутки, безусловно, являются основными носителями инфекции, Ассоциация настаивает на том, чтобы не было предвзятого отношения к представителям того или иного пола и чтобы к мужчинам относились так же, как и к женщинам» [15. С. 559]. Согласно американскому плану, мужчин, которых застали с проститутками, также должны были проверять на наличие инфекции, и в случае положительного результата они должны были проходить такое же лечение. Более того, в плане предполагались наказания за нарушение уголовного кодекса и проституток, и их клиентов: «Помимо абстрактной справедливости, опыт показывает, что один из самых быстрых и простых способов сократить масштабы проституции и распространение венерических заболеваний — это заставить мужчин осознать, что законы распространяются на оба пола» [15. С. 560].

Однако в реальности «американский план» действовал совсем иначе: он представлял собой свод законов и практик, в соответствии с которыми федеральные, государственные и местные органы власти арестовывали и обследовали любую женщину, которую они обоснованно подозревали в наличии венерического заболевания. Если результат теста на венерическое заболевание был положительным, ее помещали в изоляцию на неопределенный срок до выздоровления или прекращения заражения. Поскольку в то время существовало мало эффективных методов лечения сифилиса или гонореи, женщин иногда держали под стражей месяцами, а то и годами, пока должностное лицо не решало, что этого достаточно. Как отмечает С.В. Стерн, «десятки тысяч женщин были арестованы, и с ними обращались подобным образом» [16], в т.ч. даже в 1940-х гг. продолжались задержания по законам, принятым во время Первой мировой войны. В итоге тела женщин стали объектом контроля под предлогом защиты общественного здоровья, и «американский план» стал не инструментом просвещения, а механизмом репрессивной биополитики. Хотя в риторике официальных документов все происходящее описывалось как гуманная мера профилактики, в реальности тело женщины превращалось в носителя угрозы, требующего постоянного наблюдения.

Заключение

Таким образом, движение за социальную гигиену, возникшее в США Прогрессивной эры, с одной стороны, бросило вызов викторианским табу, а с другой — воспроизвело репрессивные практики биополитики, направленные на контроль над телами и их сексуальными практиками. Под лозунгами защиты общественного здоровья формировалась новая форма власти — биовласть, основанная на регулировании здоровья населения. Медики и государственные деятели вместе определяли границы допустимого поведения, а тело женщины становилось объектом контроля и дисциплинирования.

Ключевым механизмом этого контроля стала медикализация порока: проституция рассматривалась прогрессистами как болезнь, которую государству можно и нужно лечить. Медицинский язык становился ширмой для морализма, так как движение за социальную гигиену не просто боролось с пороком, но само конструировало его, создавая новую категорию девиантности. Дискурсы о спасении нации и расовом здоровье превращали заботу о населении в проявление государственного расизма и евгеники, распространенной в начале XX в. во многих западных странах.

В этом смысле движение за социальную гигиену в США начала XX в. стало примером амбивалентного сочетания прогрессивных устремлений и консервативного социального контроля. Впитав научный рационализм периода, движение пыталось заменить религиозные запреты медицинским просвещением и государственным регулированием, однако реально преуспело только во втором. Его можно рассматривать как пограничный феномен между викторианской моралью и современной биополитикой, так как прогрессисты создали предпосылки для интервенции государства в сферу телесности и интимности, а забота о здоровье нации стала фактором развития политики надзора, основанной на медицинском знании. Движение за социальную гигиену превратило здоровье в фундаментальную категорию социального порядка и сформировало представление о гражданине — прежде всего женщине — как об управляемом теле, тем самым превращая заботу о человеке в форму власти над ним.

Список литературы / References

1. Schlesinger AM. *Political and Social Growth of the United States*. New York: Macmillan; 1936.
2. Morrow PA. *Social Diseases and Marriage: Social Prophylaxis*. New York; 1904.
3. Roe CG. *The Great War on White Slavery or Fighting for the Protection of Our Girls*. Chicago; 1911.
4. Roe CG. *Horrors of the White Slave Trade. The Mighty Crusade to Protect the Purity of our Homes*. London; 1911.
5. Bell EA. *Fighting the Traffic in Young Girls*. Chicago; 1910.
6. Miner Hadden M. *Slavery of Prostitution: a Plea for Emancipation*. Macmillan; 1916.

7. Welter B. The cult of true womanhood: 1820–1860. *American Quarterly*. 1966;18(2–1):151–174. <https://doi.org/10.2307/2711179>
8. Anthony SB, Harper IH, Stanton EC, eds. *History of woman suffrage*. Rochester; 1885.
9. Welter B. The Feminization of American Religion. In Hartman MS, Banner LW, eds. *Clio's Consciousness Raised*. New York: Octagon Books; 1976.
10. Anderson E. Prostitution and Social Justice: Chicago, 1910–15. *Social Service Review*. 1974;48(2):203–228. <https://doi.org/10.1086/643122>
11. Payne E. *Empire of Purity: The History of Americans' Global War on Prostitution*. Princeton University Press; 2024. <https://doi.org/10.1515/9780691257068>
12. Mayer J. The passing of the red light district — vice investigations and results. *Journal of Social Hygiene*. 1918;4(2):197–209.
13. Lubove R. The progressives and the prostitute. *The Historian*. 1962;24(3):308–330. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6563.1962.tb01725.x>
14. Pivar DJ. *Purity and Hygiene: Women, Prostitution, and the "American Plan", 1900–1930*. Westport, Conn.: Greenwood Press; 2002.
15. A History and a forecast. *Social Hygiene*. 1919;4(4):553–566.
16. Stern SW. The long American plan: The U.S. government's campaign against venereal disease and its carriers. *Harvard Journal of Law and Gender*. 2015;38(2). Available from: <https://ssrn.com/abstract=3776570> (accessed 30.09.2025).

Информация об авторе:

Вершинина Дарья Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, историко-политологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, 614090, Пермь, ул. Букирева, д. 15, e-mail: daryapros@yandex.ru ORCID: 0000-0003-4354-8239. SPIN-код: 5879-5486.

Information about the author:

Daria B. Vershinina — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Archaeology, Perm State University, 15 Bukirev St., Perm, 614090, Russian Federation, e-mail: daryapros@yandex.ru ORCID: 0000-0003-4354-8239. SPIN-code: 5879-5486.